

А.А. ЛИНЧЕНКО, А.Г. ИВАНОВ

**«ЖИВИТЕ ТЫЩУ ЛЕТ, ТОВАРИЩ СТАЛИН...»
ТРАНСФОРМАЦИЯ МИФОЛОГИИ ОБРАЗОВ И. В. СТАЛИНА
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ¹**

В статье рассматривается эволюция мифологии образов Сталина в российской исторической памяти в 2000-е гг. Образы Сталина анализируются в контексте трансформации мифов о герое. Метаморфозы мифологемы «Сталин» осмысливаются в контексте трех базовых аспектов анализа исторической памяти: как информационно-коммуникационной системы, как институциональной системы, как системы общественных ценностей и идентичностей. Отдельное внимание уделяется фрагментаризации, рационализации и коммерциализации образов Сталина в политическом, религиозном и экономическом контекстах. Показана роль мифологии Победы и памяти о Великой Отечественной войне в реактуализации образов Сталина.

Ключевые слова: историческая память, социальная мифология, И. Сталин, историческая идентичность

«Живите тыщу лет, товарищ Сталин,
И пусть в тайге придется сдохнуть мне,
Я верю – будет чугуна и стали
На душу населения вполне!»

Ю. Алешковский

Май 2015 года выдался в городе Липецке жарким и солнечным. Однако готовящиеся мероприятия по празднованию юбилея Дня Победы были омрачены нашумевшим на всю Россию осквернением памятника Сталину в ночь с 8 на 9 мая. И несмотря на то, что и не памятник это был, а бюст, и что установлен он был по инициативе местных коммунистов, а не властей – общественный резонанс событию, а заодно и очередной актуализации споров вокруг личности «вождя всех времен и народов», был обеспечен. Впрочем, в мае 2016 года, липчане опять удивили страну. На лобовом стекле одного из частных маршрутных автобусов почти неделю висел портрет генералиссимуса Сталина, окруженный георгиевской ленточкой. События эти можно было бы посчитать частным делом провинциального города в Центральной России, если бы не более широкий общероссийский контекст, в котором фигура Сталина, а вернее его мифологизированные образы приобретают все большую популярность. Однако насколько

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке грантов РФФИ № 16-33-01019 «Государственная политика памяти в Российской Федерации: философские основания и стратегии реализации» и № 15-33-01003 «Концептуальные основания политики памяти и перспективы постнациональной идентичности».

это распространенное утверждение можно считать верным применительно ко всему пространству современной российской исторической памяти? Какие метаморфозы претерпела мифология образов И.В. Сталина в период с 2000 по 2015 г.? Наконец, насколько мифология образа Сталина подвержена сегодня процессам фрагментаризации, рационализации и коммерциализации?

Социальная мифология сегодня

Тема мифологизации образов Сталина уже неоднократно рассматривалась в отечественной и зарубежной литературе. Более того, по своему масштабу, тема осмысления сталинизма продолжает оставаться одним из тех наиболее важных исследовательских полей, посредством которых современное российское общество могло бы двигаться по пути развития гражданского общества, преодоления «имперского синдрома», формирования нового общественного самосознания. И вместе с тем, исследователи обращали внимание преимущественно на отдельные стороны мифологизации образов вождя², рассматривали данную проблему на примере трансформации ценностей массового исторического сознания³ или исторической политики в России⁴.

Сразу оговоримся, что из всего богатейшего наследия исследований мифологии мы будем опираться преимущественно на выводы Ролана Барта, который отмечал, что «...миф представляет собой коммуникативную систему, некоторое сообщение. Отсюда явствует, что это не может быть ни вещь, ни понятие или идея: это форма, способ обозначения... миф ничего не скрывает и ничего не демонстрирует – он деформирует; его тактика – не правда и не ложь, а отклонение»⁵. Если миф вообще замещает действительность в эмоционально-образной форме, то социальный миф, с одной стороны компенсирует недостаток информации о социальной действительности и тем самым неизбежно искажает ее, а с другой стороны – выступает средством согласования и сближения позиций различных компонентов социальной сферы. Можно также сказать, что конструктивное в социальной мифологии есть оборотная сторона деструктивного, а вернее обе стороны постоянно присутствуют в едином процессе мифотворчества или мифологизации. Более того, в каждом конкретном случае исторической мифологии, в каждом институте памяти мы наблюдаем подобную двойственность функции мифологии. При этом дополнительной проблемой является то, что мифология как слово, как форма «миф – система двойная; он как бы вездесущ – где кончается смысл, там сразу начинается миф»⁶.

² Игрицкий 2013.

³ Орлов, Чернышков 2011; Святославский 2012; Римский 2011.

⁴ Smith 2002; Копосов 2011.

⁵ Барт 2014.

⁶ Барт 2014. С. 281-282.

Термин «социальная мифология» также требует прояснения, что связано с его неоднозначными интерпретациями. Известно определение П.С. Гуревича, который считал, что социальная мифология представляет собой «особый тип идеологического сознания»⁷. Согласно другому распространенному определению, «социальная мифология представляет собой феномен идеологической практики, конституировавшийся в зрелом виде в XIX–XX вв. и представляющий собой целенаправленную деятельность по манипулированию массовым сознанием посредством специально сформированных для этой цели социальных мифов. Социальная мифология включает в себя, таким образом, два необходимых компонента: социальное мифотворчество и адаптацию созданных идеологических мифологем в массовом сознании»⁸.

Белорусский исследователь Г.П. Коршунов под социальной мифологией понимает «самоорганизующую систему семантически фиксированных нарративов (описаний должного положения вещей), закрепляющих, транслирующих и описывающих “само собой разумеющиеся” феномены общественного бытия. Эта система функционирует на уровне коллективного сознания главным образом в его повседневном измерении, субъектами воспринимается некритично и функционирует в рамках особой логики. При этом в сознании единичного субъекта социальная мифология представлена фрагментарно»⁹. И.В. Чиндин усматривает в социальной мифологии область, где происходит взаимодействие между повседневной жизнью общества и идеологией, и полагает, что присущая современности социальная мифология представляет собой совокупность мифологем современного массового общества¹⁰. На наш взгляд, социальная мифология в определенной мере присутствует и на идеологическом уровне общественного сознания, и на обыденном. В современной социальной мифологии имеются качественные отличия между повседневной мифологией, представленной на уровне социальной психологии, обыденного сознания, и предельно рационализированной мифологией, содержащейся в идеологических построениях. Назовем эти два уровня, соответственно, «архаическим» и «оперативным». Если первый уровень отражает представления, восходящие к архаике; то второй уровень есть воплощение в мифе результатов целенаправленных разработок, осуществляемых определенными социальными группами – «мифотворцами».

Социальную мифологию можно определить также и как систему представлений о социальной реальности. В сравнении с классическим мифом в социальной мифологии происходит перенос акцентов из сфе-

⁷ Гуревич 1983. С. 6.

⁸ Можейко 2003. С. 637.

⁹ Коршунов 2009. С. 63-64.

¹⁰ Чиндин 2013. С. 158.

ры сверхъестественного в область интерпретации социальных отношений. Особенность социальной мифологии заключается в том, что в ней делается акцент в основном на осмыслении социальной реальности с учетом интересов конкретных социальных групп. В социальной мифологии значительное место занимает идеология, что сближает ее с любой из современных форм общественного сознания и, особенно, с политикой. Таким образом, современная социальная мифология является, прежде всего, мифологией идей, а не реальных вещей. В этом смысле определение социальной мифологии совершенно расходится с пониманием мифологии классической, где идея вещи и сама вещь находились в синкретичном единстве.

Говоря о понятии «мифологема», следует вспомнить о той популярности, которую на Западе сегодня приобрело психоаналитическое изучение мифа. Так, известный юнгианский аналитик Д. Холлис следующим образом определяет мифологема: «Мифологема – это мифическая идея или мотив. Несколько мифологем, соединенных в единое повествование, создают миф»¹¹; и далее – «“Мифологема” – это отдельный фундаментальный элемент или мотив любого мифа. Мотивы вознесения или погружения являются мифологемами. Странствие героя воплощает две мифологема: героя и странствия, каждая из которых имеет свое характерное происхождение и отдельное значение, и вместе с тем, взаимодействуя синергетически, они увеличивают масштабность друг друга»¹². Существуют и другое мнение: «Фактически мифологема – это искусственно сконструированный миф, созданный определенными социальными силами или даже лицами ради определенных социальных целей. Это не значит, что она не опирается на какую-либо значимую историю; это значит, что мифологема создает ремейк истории, этакий голливудский образ, выдавая его за реальную историю»¹³. Такое определение практически ставит знак равенства между мифологемой и идеологемой и обедняет содержание мифологема.

Мифологема, безусловно, является структурной единицей мифа, в том числе она может быть и составляющей социального мифа, социальной мифологии в целом. Однако, как и миф, мифологема заключает в себе известную двойственность: отсылает к фундаментальным, лежащим в основе человеческого мышления, образам, архетипам, и, одновременно представляет собой определенный логически измеряемый, возможно даже искусственно созданный, конструкт. В любом случае, мифологема всегда является компонентом определенной социальной мифологии.

¹¹ Холлис 2010. С. 10.

¹² Холлис 2010. С. 16.

¹³ Пилюгина 2015. С. 81.

Мифологема «Сталин» в пространстве российской социальной мифологии

Мифологема «Сталин», по крайней мере в пространстве современной российской социальной мифологии, является важнейшей составляющей мифа о герое. Здесь нужно отдельно подчеркнуть значение именно мифа о герое. Дело в том, что в настоящее время можно выделить «глобальные» мифы, являющиеся предметом глубокого философского анализа (миф Просвещения, миф о вечном возвращении, миф о герое). Такие мифы воздействуют на личность и общество как бы на двух уровнях: и на архаическом, и на оперативном; восходят к древней архаике и могут умело использоваться правящей элитой. «Глобальные» мифы повторяются вновь и вновь, оказывая существенное влияние как на развитие человека и общества, так и на их объяснение. Ярким примером «глобального» мифа является миф о герое, представляющий собой неустрашимый, необходимый, преимущественно созидательный компонент общественного развития. Не случайно фигура героя сопровождает процессы мифологизации и мифотворчества в истории общественного развития. Фигуру героя можно и сегодня определить как зеркало мифа и мифологии.

И.М. Суравнева и В.В. Федоров в работе «Феномен героизма» отметили, что героический миф постоянно порождается архетипом героя, спроецированным в сферу самоорганизации общества. «Героический миф – миф о рождении, смерти и возрождении героя, в котором воплощены чаяния поколений и сплетены высшая форма коллективности и высшая форма индивидуальности – постоянно циркулирует в любом обществе. Это мифы о власти, стоящей на страже Правды, о добром царе-герое или царе-мученике, о герое-избавителе (миф о сильной руке) и пр. Фигура героя является стержневым элементом многих социальных процессов в современном обществе, поскольку является средством представления сути происходящего. В частности, с помощью представлений о герое массам вновь и вновь транслируется духовно-нравственное измерение политики»¹⁴.

В мифе о герое можно четко выделить, с одной стороны, ядро архетипического образа (происхождение героя, качества героя, предназначение героя, взаимодействие героя со сверхъестественными силами, борьба героя с врагами, испытания героя и т.п.), относящегося к «архаическому» уровню социальной мифологии; и, с другой стороны, конкретные коннотации образа героя, продиктованные текущими общественными процессами. В частности, отмечается, что в российском общественном сознании миф о герое имеет ряд поправок, среди которых показательна следующая: «герой – это всегда лидер протеста про-

¹⁴ Суравнева, Федоров 2008. С. 83.

тив бездушной государственной машины, которую он ради общего блага призван победить и подчинить своей воле»¹⁵.

Понимание мифологема «Сталин» как ключевой составляющей «глобального» мифа о герое, во многом объясняет, так сказать, «одиозность» данной мифологема для российского общества. У мифологема «Сталин» – два лица. Одно – официально-культовое, созданное идеологией 1930–1950-х гг., а затем идеологией в эпоху Брежнева. Другое – народные образы вождя. Любопытно, что и официальные, и народные образы вождя по-своему возрождают уже упоминавшийся миф о герое. Мифологема «Сталин» не стоит особняком, она вписана в структуры советской мифологии, восходит к мифу о Ленине, мифу о революции, мифам о стране рабочих и крестьян. Наконец, есть версия об использовании кавказского эпоса. Анализируя имя «Сталин» и образ биографии вождя, преподносимый народу, Михаил Вайскопф пишет о существенном влиянии кавказских традиций и легенд. Проведя параллели между эпическим нарским героем Сосланом и происхождением псевдонима «Сталин», он отметил: «Имя Сталин было идеальным совмещением Сослана со сталью как его психологической и “большевистско-индустриальной сущностью” (и в придачу обладало тем известным преимуществом, что преприказалось с именем основателя большевизма)»¹⁶.

Мифологема «Сталин» претерпевает изменения в контексте общей трансформации российской социальной мифологии. В данном случае, источниками трансформации вне всяких сомнений, выступают радикальные перемены, произошедшие в последней четверти XX и начале XXI в. Крушение Советского Союза, разочарование в демократических переменах, наконец, противоречия политического и социально-экономического развития страны в 2000-е гг. стали источником роста социального пессимизма. Как следствие, неоднократно отмечаемый в литературе рост кризисного сознания, социальных страхов, социальных иллюзий и общественной ностальгии. Причем, последняя, как отмечают многие исследователи, характерна не только для широких масс россиян, но и для политической элиты страны. По меткому замечанию Э. Паина, формирование в современной России новых форм политического порядка можно было бы обозначить термином «империя для себя». Он считает, что «как Советский Союз не рождался империей, а постепенно превращался в нее, так и современная Россия постепенно преобразовывается из несовершенной федерации времен Б. Ельцина в нечто похожее на государство имперского типа <...> Власти России, так же как в свое время советские лидеры, не ставили своей целью воссоздание империи, но она воспроизводится по сути, а не по названию,

¹⁵ Орлов, Чернышков 2011. С.98.

¹⁶ Вайскопф 2002. С.196.

как побочный продукт иных политических задач и стратегий»¹⁷. В своей статье, автор показывает, что несмотря на использование инструментов воспроизводства имперского порядка в современной России нет предпосылок для формирования империи. Заметим, что для выводов нашего исследования – это означает размывание самого поля имперской мифологии, выражением чего как раз и являются метаморфозы мифологемы «Сталин».

Несмотря на то, что социальная мифология – явление изменяющееся, выходящее на первый план, как известно, в эпохи катастроф и кризисов, есть основания полагать, что в современных условиях мы можем говорить о кризисе социальной мифологии, выражающейся во фрагментаризации ее мифообразов, замедлении процесса рационализации мифологем, росте конфликтности между мифологемами, коммерциализации наиболее узнаваемых мифологем и пр. Можно выделить и еще более глубинные причины. Так, И.Н. Ионов указывал на обоснованное немецким философом О. Шпенглером понятие «псевдоморфоза», как одной из важнейших характеристик российского исторического сознания. В данном случае псевдоморфоз – это разрушающее влияние заимствованной культуры на культуру-реципиент, связанное с неспособностью последней творчески освоить приобретенный духовный опыт. Результатом этого становится неспособность общества самостоятельно перейти от одной исторической эпохи к другой. «Раздвоенность, точнее, «дробность», дискретность российского исторического сознания – универсальный для нас феномен. Болезненным разрывом в истории страны были не только петровская реформа, но и принятие христианства, церковная реформа патриарха Никона, Октябрьская революция (или переворот – как угодно). Проблема русского исторического самосознания в том, что эти разрывы не застают со временем. Они слегка затягиваются на тот период, когда народ вдохновляет какая-нибудь грандиозная цель в будущем и он объединяет силы для ее достижения. Но когда эта цель в очередной раз оказывается утопической, раны российской истории вновь раскрываются и кровоточат»¹⁸. Именно эта особенность российской исторической памяти и шире, исторической культуры, будет определять в дальнейшем ход наших размышлений.

Историческая память как среда воспроизводства и трансформации исторических мифологий

Общей методологической установкой современных исследователей, работающих в русле *memory studies* является конструктивистский подход, рассматривающий прошлое не в качестве некоего статичного объекта, но зависящего от перипетий настоящего, его оценок, новых

¹⁷ Паин 2006. С.300-302.

¹⁸ Ионов 1994. С.90.

моделей поведения и деятельности¹⁹. Это означает, что прошлое постоянно изменяется, вслед за потребностями настоящего. Именно этот мотив лежит за большинством определений исторической памяти, которая, по мнению Л.П. Репиной, является одним из измерений индивидуальной и коллективной (социальной) памяти, направленной на репрезентацию исторического прошлого: «историческая память – это совокупность донаучных, научных, квазинаучных и вненаучных знаний и массовых представлений социума об общем прошлом»²⁰. Как видно, столь широкое определение исторической памяти открывает ее для мифологии, а вернее исторических мифов как одной из форм проекции социальной мифологии в коммеморативном пространстве. Сами исторические мифы, не тождественные историческим фальсификациям, при этом трактуются как «представления о прошлом, воспринимаемые в данном социуме как достоверные “воспоминания” (как “история”», составляющие значимую часть картины мира и играющие важную роль как в ориентации, самоидентификации и поведении индивида, так и в формировании и поддержании коллективной идентичности и трансляции этических ценностей»²¹. Практический поворот в современном социально-гуманитарном знании видоизменяет понимание исторической памяти и идентичности. Сегодня пишут о том, что память зависит от коммуникативных практик, повседневных форм коммеморации, ритуалов, представляя собой определенную подвижную конструкцию воспоминаний, актуализируемых в современном социальном контексте.

В этой связи еще одной отправной точкой для нас является подход Р. Брубейкера к феномену коллективной идентичности. Как показывает Брубейкер, более уместным представляется говорить не об идентичности, а об идентификации: «она призывает нас определить агентов, которые производят идентифицирование... то как человек идентифицирует себя – и как он идентифицируется другими, – может чрезвычайно различаться в зависимости от контекста; самоидентификации и идентификации другими являются в основе своей ситуативными и контекстуальными»²². Он резюмирует: «...идентификация привлекает внимание к сложным (и часто амбивалентным) процессам, тогда как термин «идентичность», обозначающий скорее *положение*, чем процесс, с излишней легкостью предполагает соответствие между индивидуальным и социальным»²³. Важной в нашем анализе является идея Дж. Олика о динамическом характере социальной памяти. Он предлагает рассматривать социальную память как некую совокупность различных соци-

¹⁹ Olick, Robbins. 1998. P. 106.

²⁰ Репина 2005. С.133.

²¹ Репина 2011. С.453.

²² Брубейкер 2012. С.90.

²³ Брубейкер 2012 С.94.

альных форм, пространств и практик – от обычных воспоминаний до общих форм поддержания образца. Память для него – это социальная деятельность, процесс, а не статичный объект²⁴. Указанные особенности памяти и идентичности в современный период не могли не сказаться и на трансформациях социальной мифологии.

Процессы универсализации интенций социальной мифологии происходят наряду с процессами дифференциации. Так, современная социальная мифология постепенно охватывает все больше областей, ее поле воздействия постоянно расширяется. Можно говорить о мифологии элит, политической мифологии, даже мифологии науки, и т.п. Именно поэтому в настоящее время наиболее динамично развивающимися ответвлениями социальной мифологии выступают политическая мифология, мифология средств массовой коммуникации. Все это свидетельствует, с одной стороны, об универсализации социальной мифологии, но, с другой стороны, о ее фрагментаризации. Практические проявления социальной мифологии – «мифо-ритуальные» практики – постепенно утрачивают связь с традицией, растворяясь в контексте современного общества, превращаясь в некоторую рационализированную, регламентированную форму общественного поведения. Более того, «мифо-ритуальные» практики успешно коммерциализируются, о чем свидетельствует бурно развивающаяся «индустрия памяти». Изменения происходят и в структуре самой социальной мифологии: представления о причинно-следственной связи и о соотношении части и целого смещаются на более глубокий, «архаический» уровень (на примере мифологии Сталина это проявляется в объяснении его поступков высшей волей), в то время как представления о пространстве и времени – на оперативный уровень социальной мифологии.

Заметим, что традиционные исследования представлений о Сталине в массовой исторической памяти представляют собой только одно из измерений анализа. В исследовательской литературе последних лет²⁵ принято говорить о следующих уровнях исторической памяти: коммуникационном, институциональном и ценностном. Можно ли сказать, что все они в равной степени отражают те метаморфозы, которые происходят с мифологемой «Сталин» в современный период?

Мифологема «Сталин» в контексте коммуникативного измерения исторической памяти

Как известно, язык является одним из наиболее важных контекстов, структурирующих историческую память. Мысль эта не нова, и в свое время была фундаментально обоснована в работах Ю.М. Лотмана, Я. Ассмана, Н.Г. Брагиной. Представляется, что коммуникативное

²⁴ Олик 2012. С.57.

²⁵ Аникин 2011. С.113.

измерение исторической памяти могло бы стать первым контекстом, позволяющим очертить метаморфозы мифологии образов И.В. Сталина. В данном случае источниками нашего контент-анализа будут образы Сталина в литературе, кинематографе, телевидении, высказываниях современных российских политиков.

Контент-анализ продукции отечественной кинематографии и пространства масс-медиа показывает, что фигура Сталина в 2000-е гг. претерпела некоторые изменения. По сравнению с однозначно негативными оценками личности Сталина в 1990-е гг., телепередачи, исторические фильмы 2000-х рисуют нам образ противоречивого человека, стоящего у власти в стране. Нельзя сказать, что оценки личности Сталина 2000-х демонстрируют тенденцию к усилению положительного взгляда. Скорее, имеет место некая «нейтральная» подача его образа и образа его эпохи, где переплетенными оказываются как славные, так и трагические страницы истории России. Однако данная «нейтральная» оценка во многом базируется не на определенной рефлексивной позиции, а скорее на приоритете фактографии. Информация подается как лишенный эмоций телевизионный и газетный текст. Более того, в поступках Сталина журналисты находят даже высшую волю, как это сделал А. Пушков в своей передаче «Постскрипту» 20 апреля 2013 года, отметив, что «сталинский ледоруб, вонзившись в череп Троцкого, был орудием божественного возмездия»²⁶.

Ключевым историческим событием, выступающим наиболее фундаментальным и положительным символом идентификации в историческом сознании россиян, продолжает оставаться Великая Отечественная война. Причем, в массовом историческом сознании ценность войны состоит в триумфе Победы, и в меньшей степени – в горечи колоссальных потерь, трагической повседневности войны. Справедлив в своей оценке Лев Гудков, отмечающий, что дискурс Великой Отечественной войны представляет собой центральный элемент всей существующей культуры исторической памяти в России. Именно это формирует тот контекст, в котором интерпретируется фигура и личность И.В. Сталина в современном российском кинематографе – суровый, но справедливый правитель, уверенно ведущий СССР к Победе. Таков образ Сталина в киноэпопее Юрия Озерова в 1970-х и в исторических фильмах последних лет («Товарищ Сталин» 2011 г., «Жена Сталина» 2004 г., «Сталин Live» 2006 г., «Подарок Сталину» 2008 г.). Более того, зачастую фигура Сталина присутствует только как некий фон разворачивающихся событий («В августе 44-го» 2001 г.). Война – пожалуй, наиболее благоприятная среда для распространения героического мифа. В этой связи вполне понятным представляется совмещение мифологии образа

²⁶ Постскриптум 20 апреля 2013.

Сталина и сакрального значения Победы в российском массовом историческом сознании. Но, быть может, художественная и научно-популярная литература позволит нам увидеть другие образы вождя?

Количество книг о Сталине, написанных в разных жанрах, за последние 15 лет существенно возросло, и это не только публицистическая, но и научная литература. Так, например, в издательстве «РОС-СПЭН» только за период с 2008 по 2016 год вышли 159 книг в серии «История сталинизма», представляющие собой исследования отдельных сторон советского общества в 1930–1950-х гг. Не отстает и научно-популярная литература. Причем лидирует не художественная литература о Сталине, а именно научно-популярная. Ее общий лейтмотив – величие страны в период сталинизма, честность и неподкупность вождя, патриотизм Сталина, его аскетизм, наконец, интернациональность мышления и его доброжелательное отношение к Церкви. Таковы книги С. Аксёненко «Зачем нужен Сталин (Загадка 1937 года)» (2010), Л.А. Балаян «Вернуть Сталина! (Загадка 1937 года)» (2010), В.В. Галина «Ответный сталинский удар (Загадка 1937 года)» (2008), А. Голенкова «Предлагаю “объяснить” Сталина» (2005), И.А. Дамаскина «Сталин и разведка» (2004), А.В. Елисеева «1937. Сталин против заговора “глобалистов” (1937. Большой террор)» (2009), Ю.И. Жукова «Народная империя Сталина (Загадка 1937 года)» (2009). А еще книги Н. Старикова, М. Ошлакова, А. Кофанова, Ю. Мухина, В. Карпова, Р. Косолапова и многих других. Более 120 книг... Отдельной темой при этом продолжает оставаться тема предательства и убийства вождя. Список можно продолжать: А. Бюкар, Р. Паркер «Подлость союзников: Как Запад предавал Сталина (Загадка 1937 года)» (2011), Н.Т. Великанова «Измена маршалов (Загадка 1937 года)» (2008), С. Кремлёв «Зачем убили Сталина. Преступление века» (2008). Более того, научно-популярная литература, апологетически оценивающая вождя, во многом выполнена в духе развенчания мифов о Сталине, представляет собой попытку критической оценки общеизвестных трагических фактов сталинской эпохи. Напомним читателю и нашу мемуарную в свое время характеристику Сталина как «эффективного менеджера». В данном случае Сталин предстает как прагматик до «мозга костей», не выделяющийся из среды политиков своего времени, а в иных интерпретациях – даже и переигравший политиков Запада. Таков образ Сталина в недавней работе В. Мединского. Книга написана как попытка преодоления мифов об СССР, разрушающих наше историческое сознание. Здесь мы видим противоречивый и многомерный образ вождя²⁷. Автор книги не хвалит и не оправдывает Сталина, он показывает его прагматиком, делающим ошибки. В сравнении Гитлера и Сталина последнему принадлежит сле-

²⁷ Мединский 2016.

дующая характеристика: «Но все равно цена этим двум дерущимся насмерть совершенно различна. Потому, что один из них хочет установить свой новый миропорядок – и усыновить чужих детей. Он будет обращаться с ними так же сурово, как со своими, деспотически требуя признания и послушания. Но не истребит, а примет в свою семью и не будет различать, кто они – русские, немцы, грузины, евреи»²⁸.

Не менее интересна мифология образов Сталина в общественных выступлениях политиков. В данном случае фигура вождя также получает в большей степени апологетические оценки. Причем, различные стороны образа вождя оказываются востребованы в современно различных политических контекстах. Вот лишь несколько примеров. Так, Борис Грызлов, возлагая 21 декабря 2004 года цветы к памятнику Сталина на Красной площади, высказался за необходимость пересмотра оценок деятельности вождя. По его словам, «перегибы» в его деятельности не должны закрывать от нас его «незаурядность», он как лидер страны «многое сделал для Победы в Великой Отечественной войне», «пользовался уважением и у союзников». Как ни парадоксально, но мифология образа Сталина-государственника оказывается востребована сегодня не только в среде правых, но и левых. Причем, один и тот же миф используется как сторонниками действующей власти, так и ее противниками. Вот еще несколько высказываний. Секретарь ЦК ВКП (б) Александр Куваев, назвав Сталина «выдающимся государственным деятелем», «политиком которого сегодня не хватает России», заявил, что «сегодня Россия в плачевном состоянии», а потому ей «нужен новый Сталин»²⁹. И конечно, коммунисты... Мифологизация образа вождя вообще составляет один из центральных элементов политической программы КПРФ. При этом, однозначно положительно оценивается вся эпоха Сталина, даже репрессии: «Конечно, среди большого числа заключенных были и невинные. Но в этот предвоенный, военный и послевоенный периоды, в беспрецедентной по накалу борьбе, у Сталина не было иного выбора, кроме как проводить жесткую, направленную на укрепление порядка и дисциплины политику, твердо и решительно пресекать все действия, расшатывающие государство»³⁰.

Мифологема «Сталин» в контексте ценностного измерения исторической памяти

Историческая память представляет собой и определенную систему ценностей и идентичностей. Надо отметить, что ценностное измерение исторической памяти оказалось в нашем случае наиболее изученным. Социологические исследования исторического сознания и

²⁸ Мединский 2016. С. 122.

²⁹ Цит. по: Гудков 2005. С. 96.

³⁰ Зюганов 2010. С. 53.

исторической памяти в нашей стране начали проводиться с начала 1990-х, что дает богатейший материал для сопоставления и анализа.

По данным всех проведенных опросов, за последние четверть века доля людей, положительно оценивающих деятельность Сталина, неуклонно росла. О возрастании популярности Сталина в российском обществе свидетельствует тот факт, что в 1994 г., по данным Всероссийского центра исследований общественного мнения, положительную оценку деятелю давали 25% опрошенных, при том, что негативное мнение высказали вдвое большее число респондентов³¹. Однако, уже в 2002 г. Владимир Бойков, отмечал, что количество респондентов, высоко оценивающих роль Сталина, возросло с 6% в 1990 г. до 32,6% в 2002 г.³² В 2003 г., по данным того же источника, положительной оценки придерживались 34,7% опрошенных. Чуть ранее, в 2000 г., исследователи из Московского государственного открытого педагогического университета установили, что около 37% студентов говорят о наибольшем влиянии Сталина на развитие нашей страны в XX в.³³ Показательным, с этой точки зрения, стал реализованный в 2008 г. проект «Имя Россия», где жителям нашей страны предлагалось выбрать посредством голосования исторического деятеля на звание «Имя Россия». Иосиф Сталин занял в этом конкурсе третье место, уступив Александру Невскому и Петру Столыпину. За советского лидера отдали свои голоса 298 882 чел. В массовом историческом сознании доминирует образ мудрого, жесткого, карающего и бескомпромиссного политика. Исследование в Белгородском ГУ (2007) выявило высокий рейтинг И.В. Сталина, правда уступившего Николаю II и В.И. Ленину, но обошедшего Л.И. Брежнева и Н.С. Хрущева³⁴.

Любопытны и результаты полномасштабного исследования исторического сознания молодежи, проводившегося Институтом социологии РАН весной 2009 года в 21 субъекте РФ и охватившего 2000 чел. По оценке М.К. Горшкова можно с уверенностью говорить о двух эпохах XX века, оставивших наиболее положительные образы и имеющих высокий ценностный потенциал для молодых россиян – эпохи Сталина и превзошедшей ее эпохи Брежнева. При этом, выделяя положительные характеристики эпохи Сталина (любовь к Отечеству, быстрое экономическое развитие, авторитет в мире), респонденты отмечали и негативные черты и в первую очередь – страх³⁵. Заслуживают внимания выводы отечественных исследователей о роли мифологемы «Сталин» в российском историческом сознании: «Дело не в том, плох Сталин или

³¹ Левада 2000. С. 397.

³² Бойков 2002. С. 85-89.

³³ Утенков, Закалин 2000. С. 119-122.

³⁴ Пуяткина 2007. С. 105-111.

³⁵ Горшков, Шереги 2009. С. 31.

хорош (решение этой дилеммы остается личным делом каждого и, похоже, вообще лежит вне аксиологических оценок), – дело в том, что он, вне зависимости от чьего-либо (не)желания, уже стал неотъемлемой, неотторжимой частью российского общественного сознания»³⁶. С этим утверждением трудно спорить. Вопрос только в том, насколько долго и в каком качестве образы И.В. Сталина будут актуализированы в российском мемориальном пространстве?

***Мифологема «Сталин» в контексте
институционального измерения исторической памяти***

Еще одним измерением исторической памяти, позволяющим глубже оценить метаморфозы мифологии «вождя всех времен и народов», является институциональная сфера. В данном случае мы ограничим себя контент-анализом учебников истории, общественных коммемораций и музейных экспозиций.

Характеризуя учебники истории 2000-х гг. отметим уход авторов от эмоциональных оценок фигуры Сталина и его эпохи. Речь идет о фактографическом подходе и нейтральной позиции при интерпретации фактов. Таковы учебники А. Данилова, В. Шестакова, А. Левандовского. Темы репрессий, голода, стратегических ошибок обсуждаются вместе с вопросами экономических успехов, Победы в Великой Отечественной войне, культурной жизнью этого времени. Таков, например, учебник для 11 класса «История России XX – начало XXI века», подготовленный коллективом авторов под редакцией Н.В. Загладина³⁷. Предельно важно, что авторы показывают противоречия образа Сталина на фоне советской действительности, связывают культ личности и усиление роли бюрократического аппарата. Вместе с тем, косвенно вина за репрессии возлагается преимущественно на Сталина лично, что формирует элементы иной мифологии вождя, демонизируя его.

Иная ситуация складывается в сфере общественных коммемораций. Прежде всего речь идет об открытии мемориалов Сталина в разных городах России в последнее время (Владикавказ, поселок Шелангер, Севастополь, Липецк, Якутск, Ялта и др.). В основном инициаторами установки памятников и бюстов выступают различные политические организации регионов, и в первую очередь – коммунисты. Более того, большинство памятников явно или косвенно связывают Сталина исключительно с темой Великой Отечественной войны. Несмотря на то, что отдельные губернаторы симпатизируют подобным коммеморативным акциям, в целом, федеральная и региональная власть публично сохраняет нейтралитет по данному вопросу³⁸.

³⁶ Орлов, Чернышков 2011. С. 102.

³⁷ Загладин и др. 2013.

³⁸ Римский 2011. С. 97-105.

В музейном пространстве России также наблюдается рост интереса к фигуре вождя. В 1990–2000-х гг. появилось пять новых музеев, посвященных И.В. Сталину. Примечательно, что все музеи – небольшие и открыты на частные деньги. Всего же на территории России и бывшего СССР существует около 12 музеев, посвященных Сталину с постоянными экспозициями. В основном они репрезентируют повседневную жизнь вождя в годы ссылки (Вологда, Сольвычегодск, Уфа), годы Великой Отечественной войны (Самара, Москва, Волгоград, Ржев), в годы руководства страной (Сочи, Нальчик, Махачкала). И конечно, музей Сталина в Гори и Батуми...

***Мифология образов И.В. Сталина
фрагментаризация, рационализация, коммерциализация***

Немецкому египтологу Я. Ассману принадлежит одна из наиболее известных концепций трансформации исторической памяти из памяти коммуникативной в память культурную. По его мысли, коммуникативная память «охватывает воспоминания, которые связаны с недавним прошлым. Это те воспоминания, которые человек разделяет со своими современниками. Типичный случай – память поколения <...> Эта память возникает во времени и проходит вместе с ним, точнее, со своими носителями». В отличие от нее культурная память «есть дело мнемотехники, для которой в обществе существуют специальные институты. Культурная память направлена на фиксированные моменты в прошлом. В ней прошлое также не может сохраняться как таковое. Прошлое скорее сворачивается здесь в символические фигуры, к которым прикрепляется воспоминание»³⁹.

Теоретическая модель немецкого ученого важна для нас, ведь мы являемся свидетелями молчаливого процесса смены поколений, ухода из жизни большинства свидетелей и носителей информации о событиях полувековой давности. Переход от коммуникативной памяти к памяти культурной представляет собой еще один важнейший фактор трансформации мифологии образов Сталина в современной России.

Как видно из проведенного анализа, в отношении образов Сталина в российской исторической памяти 2000-х наблюдаются противоречивые тенденции. С одной стороны, на институциональном уровне исторической памяти не выявлено однозначной тенденции к положительной оценке Сталина. Имеют место осторожные оценки его деятельности, или же личность Сталина и сталинской эпохи описывается критически. С другой стороны, на коммуникационном и ценностном уровнях наблюдается рост популярности личности вождя и его эпохи, ассоциирующейся в массовом сознании с периодом социальной стабильности, порядка, величия и воинской славы России. Причиной это-

³⁹ Ассман 2004. С. 52, 54.

му выступают рост неконсервативных настроений, ностальгия, высокий уровень социальной инертности россиян.

Несмотря на рост научных знаний об эпохе сталинизма и существенные изменения в преподавании истории в школах и ВУЗах, народная память о Сталине и свойственная ей мифологизация его образа продолжают сохранять свое значение, что связывается исследователями с сохранением советских моделей поведения и схем мышления в общественной практике, а также усилением разрыва между массовым историческим сознанием и научно-академическим историческим сознанием. Более того, народные образы Сталина противостоят научным историческим знаниям. То же можно сказать относительно репрезентации образов Сталина в кругу политической элиты и части консервативно настроенной интеллигенции.

Несмотря на активно формирующуюся сегодня государственную политику памяти, рационализация мифов о Сталине замедлилась и в основном идет стихийно, что подтверждает тезис о кризисе траектории антисталинизма в России⁴⁰. Более того, контент-анализ выступлений российских политиков и представителей действующей власти показывает нежелание направлять государственную политику памяти по пути рационализации традиционных мифов о Сталине или их ослабленных версий, получивших развитие в 2000-е гг. (сталинская забота о человеке, великий полководец, мудрый государственный деятель, бессребрянник, сильный государственный).

Образы Сталина в современной российской исторической культуре сильно фрагментизированы и в основном воспроизводятся в контексте развернутых общественных коммемораций вокруг Дня Победы. Именно контекст Победы в Великой Отечественной войне способствует сакрализации образа вождя и заслоняет в массовом историческом сознании другие, менее привлекательные стороны образа Сталина.

Фрагментаризация мифообразов Сталина позволяет использовать их в совершенно разных контекстах. В политической среде различные стороны образа Сталина оказываются востребованными как лицами критически настроенными по отношению к действующему режиму, так и видящими в Сталине сильного государственника. Выражаясь языком теории социальной мифологии, миф о Сталине оказывается как динамическим, так и охранительным, как созидательным мифом, так и контрмифом. Также имеет место противостояние различных мифологизированных образов Сталина, наиболее заметное в политической сфере. Более того, мифологизированные образы Сталина в силу их узнаваемости оказываются востребованными не только в политическом, но и в экономическом, культурном и даже религиозном контекстах. В каче-

⁴⁰ Smith 2002. P.89.

стве примера, приведем распространившуюся в последнее время маркетинговую кампанию, использующую протестные настроения россиян и предлагающую серию кружек, маек, футболок и прочей одежды со стилизованным изображением Сталина и надписью: «Сталина на вас нет, а на мне есть». Еще один пример использования фрагментов мифологии образа вождя – это религиозный контекст. В Храме Святого Николая, недалеко от Кремля давно уже имеется икона, на которой изображена Святая матрона Московская, а рядом с ней Сталин, стоящий в полный рост в военной шинели. Матрона Московская говорит Сталину и благословляет его. Еще один пример. 28 мая 2015 года на Прохоровском поле в Белгородской области прошла церковная служба с иконой «Богоматерь Державная», на которой изображен Иосиф Сталин в окружении советских маршалов. Молебен был заказан «Изборским клубом», а его глава – Александр Проханов в интервью российской радиостанции «Говорит Москва» вообще предложил причислить вождя к лику святых. Он заявил «Победа в войне 1941–1945 годов считается священной. Потому что в этой войне схлестнулись адовы силы и райские силы. Адовы силы – это Гитлер и фашизм. Райские силы – это Советский Союз. А Иосиф Виссарионович же является лидером священной христовой победы»⁴¹. К слову, не отстает и западный кинематограф. Так, в 2017 г. британский режиссер Армандо Ианнуччи планирует выпустить комедийный фильм «Смерть Сталина».

Что же делать с мифологемой «Сталин»? Каковы пределы ее рационализации? Где проходит граница между конструктивным и деструктивным значением мифологии образов Сталина для современной российской исторической культуры? Насколько это возможно в рамках постсоветского исторического опыта? Ответы на эти вопросы выходят за рамки настоящей статьи.

Итак, социокультурные и экономические проблемы современного российского общества усиливают рост ностальгических настроений, в которых негативные и противоречивые образы прошлого получают новые смыслы и оценки. Коммуникационная и ценностная стороны исторической памяти демонстрируют нам рост популярности личности вождя и его эпохи, ассоциирующиеся в массовом сознании с периодом социальной стабильности, порядка, величия и воинской славы России. Именно в этих контекстах мифология образов Сталина, как и мифология героического, переживает сегодня заметный ренессанс. Вместе с тем, мифология образов Сталина в наши дни совсем не похожа на идеологемы и мифологемы полувекковой давности. Вслед за социальной мифологией вообще, мифология образов Сталина фрагментаризируется и коммерциализируется, превращаясь в предмет по-

⁴¹ Проханов призвал причислить Сталина к лику святых...

литического и экономического торга. Замедляется рационализация мифов о вожде, мифы о Сталине все более переплетаются с мифологией Победы, закрывая темные страницы российской истории.

Новое тысячелетие формирует новые вызовы перед российским историческим сознанием, в котором образам Сталина и мифологемам, окружающим его эпоху, суждено занять далеко уже не первое, но и не последнее место.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Аникин Д.А. Топосы социальной памяти в обществе риска. Саратов: Изд-во СГУ, 2011.
- Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Барт Р. Мифологии. М.: Академический проект, 2014.
- Бойков В.Э. Состояние и проблемы формирования исторической памяти // Социологические исследования. 2002. № 8. С. 85-89.
- Брубейкер Р. Этничность без групп. М.: Изд. дом ВШЭ, 2012.
- Вайскопф М. Писатели Сталин. М.: НЛЮ, 2002.
- Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России: демографические тенденции и историческое сознание // Мониторинг общественного мнения. 2009. № 6. С. 5-50.
- Гудков Л. «Память» о войне и массовая идентичность россиян // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа / под ред. М. Габовича. М.: НЛЮ, 2005. С. 83-104.
- Гуревич П.С. Социальная мифология (критика буржуазной идеологии и ревизионизма). Москва, Мысль, 1983.
- Загладин Н.В., Козленко С.И., Минаков С.Т., Петров Ю.А. История России XX–XXI века: учебник для 11 класса общеобразовательных учреждений. 13-е изд. М.: Русское слово, 2013.
- Зюганов Г.А. Эпоха Сталина: цифры, факты, выводы. М.: Изд-во ИТРК, 2010.
- Игрицкий Ю.И. Ленин и Сталин сегодня // Россия и современный мир. 2013. №3 (80). С. 6-28.
- Ионов И.Н. Кризис исторического сознания в России и пути его преодоления // Ответственные науки и современность. 1994. № 6. С.89-102.
- Копосов Н.Е. Память строгого режима. История и политика в России. М.: НЛЮ, 2011.
- Коршунов Г.П. Место и роль социальной мифологии в структуре массового сознания. Минск: Беларуская навука, 2009.
- Левада Ю.А. От мнений к пониманию: Социологические очерки. 1993–2000. Москва, Московская школа политических исследований, 2000.
- Мединский В.Р. Война. Мифы СССР. 1939–1945. Москва, ОЛМА Медиа Групп, 2016.
- Можейко М.А. Мифология // Новейший философский словарь. Минск: Книжный Дом, 2003.
- Олик Д. Фигурации памяти: процессно-реляционная методология, иллюстрируемая на примере Германии // Социологическое обозрение. 2012. Т. 11. № 1. С. 50-74.
- Орлов С.Б., Чернышков Д.В. Мифологема «Сталин». Образ вождя как системообразующий фактор российского общественного сознания // Свободная мысль. 2011. № 12. С. 95-102.
- Паин Э. Империя в себе. О механизмах возвратных процессов в современной российской политике // Ab imperio. 2006. № 1. С. 300-302.
- Пилюгина Е.Н. Мифы, мифологемы и идеология как инструменты влияния на социальную действительность в условиях информационной войны // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2015. № 4. С. 76-88.
- Постскриптум 20 апреля 2013 г.: <https://www.youtube.com/watch?v=ABp5QEPLTQQ>
- Проханов призвал причислить Сталина к лику святых: <http://govoritmoskva.ru/news/42838/>
- Пуяткина Т.П. Состояние исторического сознания современных школьников // Социология власти. Журнал Социологического центра РАГС. 2007. № 5. С. 105-111.

- Репина Л.П. Концепции социальной и культурной памяти в современной историографии // Феномен прошлого / под ред. И.М. Савельевой, А.В. Полетаева. М.: Изд. Дом ГУ ВШЭ, 2005. С. 105-144.
- Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX-XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. Москва, Кругъ, 2011.
- Римский В.Л. Мифы о Сталине и культ личности в сознании российских граждан и элиты // Общественные науки и современность. 2011. № 1. С.97-105.
- Святославский А.В. Трансформация образа И. Сталина в коллективной памяти с 1930-х годов до современности // Кризисы переломных эпох в исторической памяти / сб. трудов под ред. Л.П. Репиной. М.: ИВИ РАН, 2012. С. 288-313.
- Суравнева И.М., Федоров В.В. Феномен героизма. М.: ЛКИ, 2008. 152 с.
- Утенков В.М., Закалин А.С. Об историческом сознании студенческой молодежи // Социологические исследования. 2000. № 6. С. 119-122.
- Холлис Д. Мифологемы: Воплощения невидимого мира. М.: «Класс», 2010.
- Чиндин И.В. Миф: реконструкция архаической ментальности. М.: МГИ им. Е.Р. Дашковой, 2013.
- Olick J.K., Robbins J. Social Memory Studies: From “Collective Memory” to the Historical Sociology of Mnemonic Practices // Annual Review of Sociology. 1998. Vol. 24. P. 105-140.
- Smith K. E. Mythmaking in the New Russia. Politics and Memory during the Yeltsin Era. Ithaca; London: Cornell University Press, 2002.

REFERENCES

- Anikin D.A. Toposy social'noj pamjati v obshhestve riska. Saratov, Izdatel'stvo SGU, 2011.
- Assman Ja. Kul'turnaja pamjat': pis'mo, pamjat' o proshlom i politicheskaja identichnost' v vysokih kul'turah drevnosti. Moskva, Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2004.
- Bart R. Mifologii. Moskva, Akademicheskij proekt, 2014.
- Bojkov V.Е. Sostojanie i problemy formirovanija istoricheskoy pamjati // Sociologicheskie issledovanija. 2002. № 8. S. 85-89.
- Brubejker R. Jetnichnost' bez grupp. Moskva, Izdatel'skij dom VShJe, 2012.
- Vajskopf M. Pisatel' Stalin. Moskva, Novoe literaturnoe obozrenie, 2002.
- Gorshkov M.K., Sheregi F.Е. Molodezh' Rossii: demograficheskie tendencii i istoricheskoe soznanie // Monitoring obshhestvennogo mnenija. 2009. № 6. S. 5-50.
- Gudkov L. «Pamjat'» o vojne i massovaja identichnost' rossijan // Pamjat' o vojne 60 let spustja: Rossiya, Germanija, Evropa / Pod red. M. Gabovicha. Moskva, NLO, 2005. S. 83-104.
- Gurevich P.S. Social'naja mifologija (kritika burzhuaznoj ideologii i revizionizma). Moskva, Mysl', 1983.
- Zagladin N.V., Kozlenko S.I., Minakov S.T., Petrov Ju.A. Istorija Rossii XX-XXI veka: uchebnik dlja 11 klassa obshheobrazovatel'nyh uchrezhdenij. 13-e izd. M.: Russkoe slovo, 2013.
- Zjuganov G.A. Jepoha Stalina: cifry, fakty, vyvody. Moskva, Izdatel'stvo ITRK, 2010.
- Igrickij Ju.I. Lenin i Stalin segodnja // Rossiya i sovremennij mir. 2013. №3 (80). S. 6-28.
- Ionov I.N. Krizis istoricheskogo soznaniya v Rossii i puti ego preodolenija // Obshhestvennyye nauki i sovremennost'. 1994. № 6. S. 89-102.
- Koposov N.E. Pamjat' strogogo rezhima. Istorija i politika v Rossii. M.: NLO, 2011.
- Korshunov G.P. Mesto i rol' social'noj mifologii v strukture massovogo soznaniya. Minsk, Belaruskaja navuka, 2009.
- Levada Ju.A. Ot mnenij k ponimaniyu: Sociologicheskie ocherki. 1993–2000. Moskva, Moskovskaja shkola politicheskikh issledovanij, 2000.
- Medinskij V.R. Vojna. Mify SSSR. 1939–1945. Moskva, OLMA Media Grupp, 2016.
- Mozhejko M.A. Mifologija // Novejsnij filosofskij slovar'. Minsk, Knizhnyj Dom, 2003.
- Olik D. Figuracii pamjati: processno-reljacionnaja metodologija, illjustriruemaja na primere Germanii // Sociologicheskoe obozrenie. 2012. T. 11. № 1. S. 50-74.
- Orlov S.B., Chernyshkov D.V. Mifologema «Stalin». Obraz vozhdja kak sistemoobrazujushhij faktor rossijskogo obshhestvennogo soznaniya // Svobodnaja mysl'. 2011. № 12. S. 95-102.
- Pain Je. Imperija v sebe. O mehanizmah vozvratnyh processov v sovremennoj rossijskoj politike // Ab imperio. 2006. № 1. S. 300-302.

Piljugina E.N. Mify, mifologemy i ideologija kak instrumenty vlijanija na social'nuju dejstvitel'nost' v uslovijah informacionnoj vojny // Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Filosofija. 2015. № 4. S. 76-88.

Postskriptum 20 aprlja 2013 g.: <https://www.youtube.com/watch?v=ABp5QEPLTQQ>.

Prohanov prizval prichislit' Stalina k liku svjatyh: <http://govoritmoskva.ru/news/42838/>

Putjatina T.P. Sostojanie istoricheskogo soznanija sovremennyh shkol'nikov // Sociologija vlasti. Zhurnal Sociologicheskogo centra RAGS. 2007. № 5. S.105-111.

Repina L.P. Konceptii social'noj i kul'turnoj pamjati v sovremennoj istoriografii // Fenomen proshlogo / pod red. I.M. Savel'evoj, A.V. Poletaeva. Moskva, Izd. Dom GU VShJe, 2005. S. 105-144.

Repina L.P. Istoricheskaja nauka na rubezhe XX-XXI vv.: social'nye teorii i istoriograficheskaja praktika. Moskva, Krug#, 2011.

Rimskij V.L. Mify o Staline i kul'te lichnosti v soznanii rossijskih grazhdan i jelity // Obshhestvennye nauki i sovremennost'. 2011. № 1. S.97-105.

Svjatoslavskij A.V. Transformacija obraza I. Stalina v kollektivnoj pamjati s 1930-h godov do sovremennosti // Krizisy perelomnyh jepoh v istoricheskoy pamjati / pod red. L.P. Repinoj. Moskva, IVIRAN, 2012. S.288-313.

Suravneva I.M., Fedorov V.V. Fenomen geroizma. Moskva, Izd-vo LKI, 2008. 152 s.

Utenkov V.M., Zakalin A.S. Ob istoricheskom soznanii studencheskoj molodezhi // Sociologicheskie issledovanija. 2000. № 6. S.119-122.

Hollis D. Mifologemy: Voploshhenija nevidimogo mira. Moskva, «Klass», 2010.

Chindin I.V. Mif: rekonstrukcija arhaicheskoy mental'nosti. M.: MGI im. E.R. Dashkovej, 2013.

Olick J.K., Robbins J. Social Memory Studies: From "Collective Memory" to the Historical Sociology of Mnemonic Practices // Annual Review of Sociology. 1998. Vol. 24. P. 105-140.

Smith K. E. Mythmaking in the New Russia. Politics and Memory during the Yeltsin Era. Ithaca; London: Cornell University Press, 2002.

Линченко Андрей Александрович, кандидат философских наук, доцент, научный сотрудник, Липецкий филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации; linchenko1@mail.ru

Иванов Андрей Геннадиевич, кандидат философских наук, доцент, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Липецк); agivanov2@yandex.ru

“«Live a thousand years, comrade Stalin...»: transformation of mythology of I.V. Stalin's images in the contemporary Russian historical memory

The article describes the evolution of the mythology of I.V. Stalin's images in the Russian historical memory in the 2000s. The mythology of I.V. Stalin's images is analysed in the context of the transformation of modern Russian social mythology, and in particular hero myths. The metamorphosis of perception of Stalin's mythology and Stalinism are comprehended in the context of the three basic aspects of historical memory analysis in current researches: memory as the information and communication system; memory as the institutional system; memory as a system of social values and identities. Special attention is paid to the study of the issues of fragmenting, rationalization and commercialization of the mythology of Stalin's images in political, religious and economic contexts. It is shown that the mythology of the Victory and the memory of the Great Patriotic War is the context in which the mythology of Stalin's images is reactualised.

Keywords: *historical memory, social mythology, J. Stalin, historical identity*

Andrei Linchenko, PhD (Philosophy), Researcher at the Federal State Funded Educational Institution of Higher Professional Education "Financial University under the Government of the Russian Federation", Lipetsk branch; linchenko1@mail.ru

Andrei Ivanov, PhD (Philosophy), Associate Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Lipetsk); agivanov2@yandex.ru